

формаций. Так, выявлено, что с увеличением возраста создается риск возникновения таких деформаций как педагогическая агрессия, дидактичность, демонстративность, догматизм, доминантность, консерватизм, ролевой экспансионизм педагога. Этот факт свидетельствует о том, что, действительно у педагогов по мере взросления и приобретения опыта выявляются профессиональные деформации. Полученные данные согласуются с данными психологических исследований профессиональных деформаций личности педагога (А.К.Маркова, Т.М.Резер и др);

- между стажем работы и профессиональными деформациями педагога. Здесь наиболее выраженными являются следующие деформации: педагогическая агрессия, авторитарность, демонстративность, дидактичность, догматизм, доминантность, консерватизм, ролевой экспансионизм. Чем дольше человек работает в сфере образования, тем выше возможность развития у него профессиональных деформаций.

В аспекте нашего исследования обращает на себя внимание тот факт, что существует взаимосвязь между деформацией и рефлексией. Таким образом можно сделать вывод о том, что не всегда профессиональная деформация так плоха, как это принято и кажется. В нашем исследовании была обнаружена зависимость между доминантностью и рефлексией педагога. То есть, с одной стороны, у педагогов ярко выражен уровень доминантности, когда доминантность проявляется во всех аспектах профессиональной деятельности и в жизни. У большинства педагогов присутствует эта деформация, но с другой стороны, у этих же педагогов на достаточно высоком уровне присутствует

рефлексия как индикатор фасилитационного поведения. На наш взгляд, это связано с тем, что доминантная позиция имплицитно включена в педагогическую деятельность, так как педагог является руководителем педагогического процесса, управляет познавательной сферой личности учащегося, сам проектирует учебный процесс, разрабатывает и реализует его. Здесь доминантность является результатом сосредоточения полномочий в руках педагога и как фактор реализации педагогических функций. Установленная в процессе корреляции взаимосвязь доминантности и рефлексии свидетельствует о том, что несмотря на доминантность педагога, он осуществляет анализ своей деятельности, рефлексиирует образовательный процесс, так как ему необходимо отслеживать степень достижения педагогических целей и вести поиск новых средств их достижения, а это возможно только при наличии достаточного уровня сформированности рефлексивных способностей.

Таким образом, действительно фасилитационное взаимодействие педагогов имеет свои специфические психологические особенности, а также существует взаимосвязь этих особенностей с профессиональными деформациями.

М.В. Кириллова
г. Калуга

КГПУ им. К.Э. Циолковского

**Формирование безопасного
образовательного пространства
в современной
информационной культуре***

В традициях русской культуры лежит вопрошание. «Кто виноват?»,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 08-06-59606 а/Ц) и Правительства Калужской области.

«Кому на Руси жить хорошо?», «А судьи кто?» – вряд ли литература какой-нибудь другой страны может похвастаться таким количеством риторических вопросов. Но, кажется, они стали скорее историческим достоянием, нежели насущностью современного молодого человека. Всё чаще звучат жалобы учителей и родителей о невозможности заинтересовать ребёнка школой: у детей есть гораздо более интересные и значимые для них продукты культуры: компьютеры, мобильные телефоны. Получается парадокс: при колоссальных возможностях знакомиться с произведениями культуры (книгами, картинами, постановками) происходит культурное вырождение нации, резкое снижение интеллектуального уровня детей и молодёжи. А ведь именно в России в середине XX века зародилась не имеющая аналогов в мире интеллектуальная игра «Что? Где? Когда?». Но в веке XXI она всё больше уступает место зарубежным развлекательным программам: «Слабое звено», «Кто хочет стать миллионером?», «Своя игра» – игр, в которых умение отвечать на вопросы и логически мыслить уходит на второй план, сдаваясь в плен поверхностной эрудиции, умению не знать, а угадывать ответ на однозначный, закрытый вопрос. И «быть или не быть» вытесняется вопросом: «Сколько стоит новая шуба Ксении Собчак?».

По данным опроса родителей, учителей начальных классов и воспитателей детских садов современные дети задают очень мало вопросов. Несомненно, это может быть связано с развитием средств массовой информации и возможностью узнать любой интересующий факт за считанные минуты. Нередко дети получают ответ на ещё не

заданный вопрос, удовлетворение ещё не сформированного познавательного интереса. Эта ситуация тем более парадоксальна тем, что современная наука нуждается в новых мыслителях, философах, изобретателях. Платон сказал: «Философия начинается с удивления». А учителя школ задаются вопросом: чем может удивить современного ребёнка учитель с мелом и доской?

В настоящее время аналитикам приходится констатировать очевидные факты снижения интеллектуального уровня детей. Многие исследователи считают исключительно важным вернуть образование в контекст культуры как среды «растящей и питающей личность» (по выражению П.А. Флоренского), а главная проблема культуры – это проблема понимания. Таким образом, диалог человека и культуры и диалог культур становится не просто насущностью – потребностью личности.

Существование человека детерминировано экзистенциальной необходимостью осознать многомерную Вселенную как единое умопостигаемое целое, и уже в ней искать свою дорогу и понимание мира. Но, по мнению Эллис, «большая часть нашего чувства физической реальности есть скорее следствие внутренних процессов, чем процесса, который развивается только на основе непосредственно получаемой нами сенсорной информации». Иными словами: «Реальность – это та часть иллюзий, с которыми мы согласны». В фильме «Трасса 60» этот эффект проиллюстрирован тем, что человеку показывают в быстром темпе игральные карты, в которых черви – чёрного цвета, и пики – красного. Человек называет масть, ориентируясь на цвет карт, когда же перед ним буквально «раскрывают карты», он возмущён и го-

ворит, что так не бывает. А потом ему приходится задуматься, как много мы можем пропустить в жизни только потому, что нам кажется, что так не бывает? Как можно придумать что-то новое в мире, где всё уже открыто? В такой ситуации появляется возможность смыслового переживания реальности, которое делает возможным диалог культурных смыслов в индивидуальном человеческом сознании. Как отмечает Ф.Е. Васильев: «...за счет переживания происходит перестройка психологического мира человека, установление соответствия между сознанием и бытием, повышение осмысленности деятельности». Хватает ли нам, современной людям, осмысленности жизни? 11 сентября, массовые убийства и самоубийства, постоянная угроза терактов...

Всё чаще современные философы говорят о мозаичности современной картины мира, в которой огромные неконтролируемые объёмы информации сочетаются с крайней несистематичностью её предъявления. Задача школы в этих условиях – не просто дать стержень понимания, на который будут нанизываться все знания, но и научить человека в этой какофонии байтов и смыслов остаться собой, сохранить свой голос.

Насколько же это реально в современных условиях обучения, когда ведущей задачей учителя вновь является передача уже знакомой ему информации, а задачей обучающихся – воспроизведение этой информации, зачастую совершенно личностно незначимой? В то самое время, когда научные дискуссии во всех областях знаний предельно обострены, образовательная система предлагаем детям усреднённые фрагменты знаний, даёт ответы на вопросы, которые ученики не задают. Ес-

ли верить статистике и Виктору Франклу, большинство самоубийств среди подростков происходит из-за отсутствия в их жизни смысла, истины. М.М. Бахтин писал: «Истина не рождается и не находится в голове отдельного человека, она рождается между людьми, совместно ищущими истину, в процессе их диалогического общения».

Пословица гласит: «Ответ всегда готов – готов ли твой вопрос?!». Очевидно, современный мир находится на той грани, где ирония пословицы стирается и делает её риторическим вопросом. Наука нуждается в людях культуры, которые умеют слышать многоголосье мира.

Для формирования безопасного для личности образовательного пространства как нельзя лучше, на наш взгляд, подходит «метод доведения до предела», что является характернейшей чертой философии В.С. Библера. Например, ребятам демонстрируется абстрактная картинка. Вопрос «Что вы тут видите?» обычно порождает массу ассоциаций, но ни один ответ не может удовлетворить учителя. Он видит на картинке другое – потому что он смотрит на обратную сторону. «Метод доведения до предела» непосредственно выражается в логических парадоксах. Например, Зенон Элейский, доведя до предела логическое утверждение о бесконечной делимости пространства, доказательно утверждал, что быстроногий Ахиллес не догонит черепаху, хотя это противоречит всем обыденным представлениям (как иронично писал Ф.Кривин: «дело тут не в быстроте, а в размахе – Ахиллесовой пяте черепахи»). Но не стоит думать, что эти апории, энигмы (загадки) древнегреческой культуры, были актуальны лишь тогда. Одна

из известнейших зеноновских апорий – «дихотомия пространства» – представляет собой следующий парадокс: чтобы пройти путь из А до В необходимо, так или иначе, преодолеть путь, равняющийся половине АВ, что в свою очередь также является путём, и для его прохождения необходимо преодолеть половину отрезка и т.д. В конце концов приходим к тому, что вне зависимости от длины изначального отрезка, чтобы перейти из А в В – можно не двигаться с места! Если не считать парадоксального завершения – так в средней школе ученикам объясняют, что такое предел. Поэтому, видимо, В.С.Библер и назвал свой ключевой философский метод «методом доведения до предела».

В высочайших точках своего развития современное мышление и сознание сводятся к теоретически осознанному определению незнания – и в этой точке способ разумения выдающихся философов сводится к изначально детскому восприятию и пониманию мира, к первоначальному школьному удивлению. Ведь любой ребёнок может подвести итог жизненных размышлений Сократа и сказать: «Я знаю, что ничего не знаю».

Основа всего процесса образования, по мнению современных философов, – образование «человека культуры». Такой подход требует коренных изменений и содержания, и методов, и самих форм организации учебного процесса, и изменения типа школы. Но не всё так просто. Например, проблемное обучение, казалось бы, удовлетворяет потребностям современного удивления. Но дело в том, что дети здесь решают лишь те проблемы, решение которых знакомо учителю, а значит – любому взрослому образованному человеку.

Бертран Рассел однажды написал: «Несомненно, Платон – гений, а Аристотель – человек энциклопедических познаний, но их современные ученики обнаружили бы у них только ошибки». Но разве взгляд на мир младшего школьника не близок древнегреческому: «когда ученик усвоил от взрослых, что Земля – это шар, но тайно верит в существование Деда Мороза»?

Современный ребёнок во многом одинок. Ушли в прошлое традиционные народные игры, хороводы, дворовая беготня (дворы как явление тоже исчезают в крупных городах); во многих детских садах малыш пяти лет уверенно расскажет вам, что такое призма, но не как играть в казаки-разбойники. В начальной школе у половины детей есть мобильные телефоны, что позволяет общаться без личного контакта со многими людьми сразу, порой одними и теми же словами. В таких условиях формирование отношений крайне затруднено. Дети гораздо больше времени с компьютером и телевизором, нежели со сверстниками, учителями и родителями. Райсманин в своем исследовании «Одинокая толпа» приводит обширные социально-психологические данные и показывает, что изолированный, одинокий, отчужденный тип характера свойственен в целом людям современного общества. Райсманин делает важный акцент на том, что такие люди имеют только техническую связь со своим миром; такие люди, «направленные вовне», ко всему относятся с технической, внешней позиции. Их ориентиры таковы, что они говорят, например, не «мне понравилась пьеса», а «пьеса хорошо поставлена», «статья хорошо написана» и так далее. Это особый жизненный опыт изоляции, который получил название «гносеологиче-

ское одиночество». Сознание изолировано и пребывает в одиночестве. Чувства ничего не говорят нам непосредственно о внешнем мире; они дают нам только заключительные данные. Шахтер пишет: «Человек имел бы какое-то представление о невообразимом богатстве и глубине мира, о его возможных значениях для нас, если бы он знал все языки и культуры, причем не просто на уровне интеллекта, а полностью вобрав все это своей личностью. И это составляло бы исторически познаваемый мир человека, а не безграничность его будущих возможностей».

Естественно, всё это требует необычайно высокой не только педагогической и психологической, но и философской подготовки учителя. Возможно ли это в наше время? Видимо, чтобы ответить на этот почти риторический вопрос, следует вспомнить, что на географических картах нет белых пятен, чумой никто не болеет, велосипед изобрели и $2 \times 2 = 4$. И неужели люди всех времён верили в миф, что всё уже открыто до них?! По крайней мере, это является шансом начать диалог – диалог логик, диалог голосов, диалог культур...

Один преподаватель как-то заявил, что будь его воля, он бы на экзаменах оценивал не ответы студентов, а их вопросы. Пожалуй, это соответствует одной из главных философских проблем современности – отсутствию культуры вопрошания (не говоря уже просто об отсутствии культуры). А модный писатель Сергей Лукьяненко ёмко выразил эту философскую проблему словами маленького мальчика: «Это страшно, когда на ответы нет вопросов...»

М.В. Корепанова, С.С. Котова
г. Екатеринбург
РГППУ

Факторы социального и психологического неблагополучия старшеклассников

Изучение проблем старшеклассников в изменившихся условиях стало новым аспектом традиционного анализа тех факторов, которые влияют на их неблагополучие. В последние годы, в связи с общесистемным кризисом нашего общества, интерес к проблеме социального и психологического неблагополучия и отклоняющегося поведения значительно вырос, что обусловило необходимость более тщательного исследования причин, форм, динамики социального и психологического неблагополучия и девиантного поведения, поиска более эффективных мер социально-психологической помощи – превентивной, профилактической, реабилитационной и т.п.

Одной из тенденций социального и психологического неблагополучия является рост среди общего числа общественно опасных действий доли преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Подрастающее поколение социализируется в условиях того социума, где оно живет. Сильные и слабые стороны этого социума – зеркальное отражение социальных проблем общества в целом. А нынешнее его состояние, которое характеризуется как кризисное, способствует проявлению новых негативных моделей поведения детей и подростков, вплоть до преступного. Снижаются возрастные границы многих видов и форм девиантного поведения, изменяется половой состав несовершеннолетних, растет число отклоняющихся